

УДК 008+398

ББК 71.05(2) + 85.113(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. С. Д. Синчук

г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия

ЗООМОРФНЫЙ ОБРАЗ В АРХИТЕКТУРЕ СЕВЕРОРУССКОЙ ИЗБЫ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В настоящей работе высказывается гипотеза о том, что в архаических народных воззрениях существовало образно-семантическое соответствие между архитектурным обликом избы и рогатыми животными, некогда выступавшими в качестве домостроительной жертвы. В охотничьем периоде это были олени/лоси, чьими рогами увенчивались крыши северорусских изб. По причине древности культа этих животных следы языческих представлений о них необходимо искать не только среди архаизмов древнеславянской культуры, но также обратиться к традиционным охотничьим культурам народов Севера и Сибири. В эпоху перехода к земледельческому хозяйству происходит смена охотничьих животных на домашних, и культ оленя / лося вытесняется культом быка / коровы, близких им семантически. Однако в контексте христианской религии рога приобрели отрицательное значение, и их размещения на крышах стали недопустимыми. Поэтому во внешнем облике северорусского жилища образ быка / коровы отсутствует. Но следы, отражающие данную тематику, сохранились в народной культуре и свидетельствуют о том, что изба некогда представлялась в этом образе. Такой подход дает возможность рассмотреть северорусскую избу в зооморфном коде и установить причины происхождения ее признаков, относящихся к рогатым животным. Это также позволяет определить семантику и генезис фантастических орнитозооморфных образов, наблюдаемых в фольклоре, в народных говорах, в обрядах, в декоративно-прикладном искусстве.

Ключевые слова: изба, традиция, оберег, образ, олень, лось, бык, корова, птица, тотем.

Информация об авторе: Светлана Дмитриевна Синчук — кандидат педагогических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, просп. Свободы, д. 14, 357430 г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия. E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Дата поступления статьи: 23.05.2018

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Синчук С. Д. Зооморфный образ в архитектуре северорусской избы: семантическая реконструкция на материале народной культуры // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 140–159.

Как известно, двускатные крыши многих северорусских деревенских изб было принято увенчивать изображениями коня или птицы. В этом ряду уникальным явлением считается украшение конька избы рогами оленя или лося.

Образ оленя / лося в архитектуре избы

Об архаичности традиции размещать рога оленя / лося на крыше жилища говорит то обстоятельство, что такие примеры, дошедшие до нашего времени, в целом немногочисленны и в основном встречаются лишь в северных районах европейской территории России, там, где древние обычаи сохранялись дольше всего. «На берегах Вычегды, в Красноборском районе на Пинеге вместо коня часто изображается олень с ветвистыми рогами, вырезанными из природных отростков корня. На домах охотников можно увидеть иногда и настоящие олени рога» [41, с. 19].

На это обращали внимание многие исследователи, справедливо полагавшие, что олени или лосиные рога в данном случае применялись в качестве оберега. В современном восприятии такие рога мыслятся отдельно от архитектурных форм и используются лишь как украшение избы. Для того чтобы понять причины возникновения такой традиции, постигнуть логику ее появления, необходимо рассмотреть образы этих рогатых животных, запечатленные в народной культуре, в контексте языческих представлений о них.

Обычай увенчивать кровли оленьими или лосиными рогами, несомненно, более древний, чем обычай украшать коньки крыш изображениями птицы или коня; лось и олень — не домашние животные, а охотничьи, и поэтому такая традиция могла возникнуть еще в охотничьем периоде. «Культ оленей и лосей в общем виде широчайшим образом отражен в искусстве самых различных народов Европы и Азии от каменного века до средневековья» [26, с. 100]. К сожалению, по причине древности этого культа его следы мало сохранились в славянской народной культуре и потому для данного исследования недостаточны. «Тяготение преданий о священных оленях к финно-угорскому Северу заставляет нас выйти за рамки славянского мира и совершить несколько экскурсов в те области, где охотничья стадия хозяйства задержалась дольше, чем на земледельческом Юге. При этом, <...> чем большее место в жизни народов занимает охота, тем полнее и свежее легенды и мифы об оленях» [26, с. 74]. А потому в процессе поисков следов этой тематики стоит обратиться и к традиционным культурам народов Севера и Сибири.

Жертвоприношения. Как повествуют древнеславянские предания, олени и лоси когда-то часто фигурировали в языческих жертвоприношениях, добровольно прибегая к людям на заклание [42; 26, с. 71–74]¹. Следовательно, можно предположить, что в те времена данные животные могли выступать также и в качестве традиционной жертвы, которую было принято приносить перед началом строительства. В результате соответствующий зооморфный образ должен был сказаться на внешнем виде строящейся избы.

Редкий случай, когда археологами было обнаружено захоронение черепа лосенка в полу у входа в жилище, относящееся к окской культуре эпохи раннего металла, является тому подтверждением [37, с. 239]. Обычай размещать на крышах северорусских изб изображения головы оленя / лося или их рогов тоже можно считать свидетельством бытования таких обрядов.

Крыша. Во времена верхнего палеолита существовала традиция водружения черепа жертвенного животного над кровлей жилища [4, с. 14]. Нет сомнения, что для этого могла использоваться также голова или череп оленя / лося. Но со временем они были заменены изображениями рогатой головы животного, выполненной из комлевой части ствола дерева, шедшего на изготовление охлупня (рисунок 1).

¹ «Легенда с мотивом добровольного жертвоприношения оленя в определенный день года известна также в античной и византийской традиции» [8, с. 545].

Рисунок 1 – Охлупень с сучьями наподобие оленьих рогов на старой двускатной крыше. Архангельская обл. Прорисовка автора [3, с. 350, рис. 78-3]

Figure 1 – Roof ridge with antler-like branches on an old gable roof. Arkhangelsk region. Detail's drawing by author [3, p. 350, fig. 78-3]

Конечно, скульптурно выполненная голова оленя либо только его рога могли выступать как метонимическая замена всего оленя, однако то обстоятельство, что они неизменно увенчивают кровельный щипец, заставляет предположить, что вся такая «рогатая» крыша могла когда-то могла мыслиться в едином зооморфном образе.

Известно, что еще в глубокой древности покрытия жилища были двускатны². Визуально два ската кровли имеют сходство с птичьими крыльями, а охлупень — со спиной и хвостом птицы. Это подтверждается и лингвистическими данными, согласно которым они, как и многие другие детали кровельной конструкции, носят «птичьи» названия. На основании этого был сделан вывод: крыша северорусской избы некогда мыслилась «пернатой» [31, с. 110–112]. Тогда такая «двукрылая» кровля, увенчанная головой оленя, предстает перед нами в фантастическом образе крылатого оленя, либо *олень-птицы*³. Однако в нынешнее время трудно представить себе такое. И, чтобы допустить подобное, следует предположить, что данный персонаж некогда существовал в мифологических воззрениях древних людей. Поэтому образ *олень-птица* необходимо искать среди архаических пережитков культуры славян, а также народов Севера и Сибири (в фольклоре, мифологии, этнографии, декоративно-прикладном искусстве и т. п.).

Образ крылатого оленя / лося в народной культуре. Наличие крыльев у фантастических оленей / лосей должно свидетельствовать об их принадлежности небесному

² Об этом свидетельствуют реконструкция жилища, созданная на основании археологических находок Триполья (III тыс. до н. э.), и глиняные модели домиков, найденные на Балканах (энеолит), которые имеют двускатную крышу [3, с. 8; 26, с. 218–221].

³ Так же, как позднее крыша северорусской избы, украшенная головой коня, представлялась в фантастическом образе *коня-птицы* [32].

ярусу мироздания. «Представления о небесных лосях или оленях были свойственны многим охотничьим народам» [26, с. 80]. «Созвездие <...> Большая Медведица на русском Севере называлось “Лосем”, “Сохатым”. <...> У поляков Полярная звезда называется “Лосиной звездой”. У эвенков созвездие Большой Медведицы называется “Лосихой Хэглэн”, а Малой Медведицы — “Теленком Хэглэн”». [26, с. 70]. На русском Севере вообще любое созвездие могло иметь название *Лось* (Арх.) [33, т. 17, с. 155].

Во многих архаических культурах есть свидетельства и о мифических оленях, наделенных способностью летать. «Образы оленей, в том числе и крылатых, [встречаются] в искусстве Луристана, Амлаша, Зивие» [19, с. 104]. В мифологии обских угров женское божество солнца, Хотал-эква, днем «проезжает по небу на крылатом олене, пылающем золотым пламенем» [38, с. 597]. Среди онежских петроглифов зафиксирован образ «двойной природы <...> олень-птица» [28, с. 156]. «По болгарским и сербским демонологическим поверьям, на крылатых оленях ездят вилы и самодивы» [8, с. 546]. В саамских преданиях повествуется о мифическом персонаже, именуемом Мяндаш-парнь. «На вопрос: какие они, эти Мяндаш-парнь, сказитель <...> ответил: “Те же олени, и стадом ходят, летают они”» [40, с. 113].

В районе Прикамья археологами были обнаружены так называемые шаманские бляшки сульде, на которых запечатлены «загадочные изображения крылатого существа с рогами оленя» или лося [40, с. 104–105]. На некоторых из них показано не только «сочетание человека-птицы и лося; не только крылья, но даже хвост птицы» [40, с. 108], а в отдельных случаях — «ноги с копытцами, разрезанными надвое, <и> растопыренные копытца на руках» [40, с. 130] (рисунок 2).

Рисунок 2 – Фигурка в наряде танцующего Мяндаша. Бронза. Литье. VII–IX в. ГИМ. Прорисовка автора [40, с. 110]

Figure 2 – Figure in a dress of dancing Mjandash. Bronze. Casting. VII–IX cs. State Historical Museum. Detail's drawing by author [40, p. 110]

В. В. Чарнолуский полагал, что данный персонаж соотносится с мифическим Мяндашем из саамских преданий. Он видел аналоги этим орнитоморфным животным и в славянской культуре: «То, что Мяндаш-парнь летали, что они крылаты, наводит на мысль, не являются ли они теми существами, о которых пишет Ипатьевская летопись: в северных краях будто бы с неба падают “оленцы малы”» [40, с. 114]. И действительно, это вполне сопоставимо со свидетельствами о небесных оленях и лосях, встречающихся в северорусских преданиях. Как известно из тех же преданий, олень и птица равным образом могли заменять друг друга в обрядах жертвоприношений, когда порой «вместо оленей выступали <...> птицы — гуси или глухари» [42, с. 216], что говорит о семантической эквивалентности оленя и птицы.

Отголоски древних представлений о таких фантастических орнитоморфных животных сохранились и в народных говорах: «светлые подпалины на боках тела оленя лопари называют крыльями» [40, с. 113], а на русском Севере оленя «за легкость и быстроту “бега в езде”» именуют *земное крылье* (Арх.) [33, т. 15, с. 345].

Процесс «появления» крыльев у оленя наглядно отражен в мифологической сказке нганасан, где описывается путешествие шамана на олене на небо: «Одного своего оленя запряг. С обеих сторон колол ножом этого оленя. Из ран легкие вытащил. <...> Олень голову не опустил, все равно она у него поднята. Четыре ноги *крыльями стали*⁴. Вместе с оленем *полетел вверх*. <...> Старик <...> все время *летит вверх*» [24, с. 107]. Здесь подробно описывается обряд жертвоприношения оленя, который после его ритуального умерщвления, по представлениям нганасан, должен отправиться на небо, и поэтому начинает мыслиться крылатым, как птица⁵. Об этом же свидетельствует и волшебное превращение погибшего оленя, описанное в долганском фольклоре: «Сколько времени здесь олень пролежал, неизвестно, но когда все мясо сгнило, оттуда чайка вылетела» [10, с. 92]

На северорусских вышивках нередко встречаются изображения орнитоморфных существ, условно называемых «птицами-павами». Они часто бывают увенчаны, как принято считать, неким «хохолком», очень похожим на деревце, выросшее на голове такой птицы (см. ил.: [17, с. 61, 63, 71, 113]). Однако известно, что лишь олени рога имеют сходство с ветвистым деревом⁶.

Если внимательно присмотреться к «птицам-павам» на вологодской вышивке (рисунок 3), то можно увидеть, что они наделены не только ветвистыми оленьими рогами (причем, их здесь, как и у оленя, два), но и оленьими головами. При этом шея у них длинная и тонкая, какая обычно бывает у водоплавающих птиц. Кроме того, под их туловищами наблюдаются какие-то выступы, очень напоминающие изображения кончиков опущенных вниз крылышек, а хвост более похож на причудливо стилизованный птичий хвост, торчащий вверх. Судя по всему, здесь показан фантастический образ *олень-птица*.

⁴ Здесь и далее выделено мною. — С. С.

⁵ Думается, что таким же образом могли представляться крылатыми и многие другие жертвенные животные после их ритуального умерщвления.

⁶ В этом сходстве можно убедиться не только визуально, но и на языковом материале: слово *крона*, обычно используемое в значении «верхняя часть дерева, образуемая совокупностью всех ветвей», порой употребляется и в значении «оленьи рога», «панты» [33, т. 15, с. 277]. Широко известно выражение *ветвистые рога*, и наоборот, порой, когда говорят о дереве, употребляют слово рогатиться в значении «ветвиться» (Дон.) [33, т. 35, с. 120]. Да и на вышивках, изображающих оленей, их рога часто напоминают ветвистые деревца (см. ил.: «Северорусская вышивка с оленями и лосями» [26, с. 106–107; 17, с. 72–73]).

Рисунок 3 – Птица-пава. Элемент вышивки ширинки. Вологодская губерния. Вторая половина XIX в. Прорисовка автора [17, с. 71, 274]

Figure 3 – Peacock bird. Towel's embroidery element. Vologda province. The second half of the 19th century. Detail's drawing by author [17, p. 71, 274]

Он вполне соотносим с «рогатой» крышей, тоже являющей собой такой же фантастический образ: голова и рога оленя, а остальные формы птички (скаты — опущенные вниз «крылья», охлупень — спина и «птичий хвост» [31, с. 110–111]). Так что если мы видим на щипце северорусской избы изображение рогатой головы оленя, то на самом деле это не олень в нашем привычном понимании, а *олень-птица*.

Охранительная семантика образа «олень-птица» в архитектуре избы. Все орнитоморфные олени / лоси, запечатленные во многих архаических культурах, являлись сакральными персонажами. Это либо крылатые олени из народных поверий и преданий, либо изображения крылатых человеко-лосей, показанные на шаманских сульде, либо «рогатые» птицы, вышитые на обрядовых полотенцах. Сакральным признаком у всех этих персонажей является наличие у них крыльев, символизирующих их принадлежность небесному ярусу мироздания.

Образ *олень-птица*, увенчивающий северорусскую избы, тоже вписывается в этот ряд, а потому нет сомнения, что он тоже наделялся сакральной функцией. Здесь охранительную силу рогов или головы оленя, размещенных на охлупне, должно было увеличивать еще и то, что его дополняла двускатная, т. е. «крылатая» крыша, которая считалась символом покровительства, защиты [31, с. 114–115].

К. Д. Зеленин, говоря о фантастических орнитоморфных персонажах из различных культур (в том числе и о крылатых конях из сказок Сибири и Европы), полагал, что «во всем этом можно <...> видеть далекие отзвуки бывшего тотемизма» [13, с. 202]. Думается, что сюда же можно отнести и двукрылые образы крупных рогатых животных: вполне возможно, что образ *олень-птица* в архитектуре северорусской избы, как

и образ *конь-птица*, заменивший его впоследствии, тоже имеет тотемистическую семантику [32, с. 82–84]. Подтверждение этому предположению следует искать в пластах глубокой древности.

Архаическая традиция водружения черепа жертвенного животного над кровлей жилища была основана на тотемистическом культе [4, с. 14]. А олень и лось в древности часто представлялись тотемными животными. «В конце первого тыс. нашей эры среди племен и народностей Беломорского севера и Приуралья была широко распространена мифологема, центральной фигурой которой в одних местах являлся олень-тотем, в других — лось-тотем» [40, с. 104]. У народов, проживающих на Югане, даже в начале XX в. этнографами были зафиксированы тотемистические культы, в частности — «роды, которые своим покровителем считают лося» [14, с. 32]. Исследователи полагают, что «к фратрии Лося (Оленя) принадлежали некоторые роды коми-зырян и пермяков, манси, удмуртов, мари, саами и др.», и потому эти образы, запечатленные в их устно-поэтическом творчестве и декоративно-прикладном искусстве, следует оценивать как связанные с племенным тотемизмом [26, с. 77]. «Так называемый “Пермский звериный стиль”, т. е. изображения разных животных на подвесках и украшениях древнего населения Приуралья⁷, <...> восходит своими корнями к тотемизму» [13, с. 99]. Следовательно, и любые другие образы крылатых лосей/оленей, в том числе, и сказавшиеся на архитектурном облике северорусской избы, также являются тотемистическими.

Как известно, тотем — это мифологический родоначальник и охранитель племени, родовое божество, а его изображение является оберегом. И здесь есть все основания думать, что образ *олень-птица*, венчающий северорусскую избы, олицетворял тотема того рода, представителями которого некогда считали себя члены семьи, проживавшей под данной крышей — под его «крыльями», под его покровительством, под его сакральной защитой.

Изба — олень / лось. Во многих архаических культурах народов Севера, а также «южной и восточной Европы <...> по археологическим данным реконструируется образ космического оленя» [9, с. 390]. Поэтому его приносили в жертву перед началом строительства жилища, мыслившегося, как известно, космогоническим актом.

В культуре северных народов шкуры охотничьих животных использовались в качестве строительного материала, и это, несомненно, сказалось на представлениях о жилище, создаваемом из частей оленя как космологического животного. Герой саамского предания говорит: «Будем жить в веже из оленьих шкур; порогом будет чаппыд (звено шейных позвонков), доски крыши — из ребер, опоры — ноги оленя, а чистое место хребетную костью обложим, а камни очага пусть будут, как печени, гладки» [40, с. 55]. В волшебной сказке юкагиров говорится о том, как «один худой теленок»⁸ перед его умерщвлением дает детям наставление: «Я <...> умру, но вы меня не жалейте. Вон там, вдали поставьте кругом, как изгородь, мою шкуру. Посередине положите мою голову. В четырех местах поставьте мои копыта. Между ними ложитесь спать. Дети так и сделали. Заснули, а проснулись посреди очень хорошего дома» [36, с. 295]. Вероятно, отсюда пошла традиция представлять жилище в образе того животного, которое умерщвлялось перед началом строительства.

⁷ Сюда же относятся и фигуры крылатых человеколосьев на пермских шаманских сульде.

⁸ Нет сомнения, что *худой теленок* здесь означает «теленка важенки», поскольку корова стала известна юкагирам лишь после знакомства с якутами и русскими [36, с. 491].

Позднее, когда при переходе к оседлой жизни стали появляться деревянные постройки, они традиционно тоже мыслились в образе рогатого животного. Это отражено в нанайских загадках: «*Сохатый* в восьми местах тоненький. (Дом с восемью окнами)» [25, с. 233]; «У козули в голове шумело, а у *сохатого* в голове тихо было. (Дом, амбар)» [25, с. 233]; «*Корова* четыре ноги имеет, ест, ест — живот все равно больше не становится, не ест — также все равно меньше не становится. (Амбар на сваях)» [25, с. 233]. Якутские загадки: «*Бурый бык*⁹ стоит со рваным боком. (Дом и дверь)» [18, с. 246]; и обратная загадка: «Над озером построен *сарай*, но никто в него не входит. (У лося рога)» [18, с. 248].

На этих же представлениях об избе как о рогатом животном сложилась и русская загадка: «Снаружи — *рогата*; / Изнутри — *комола*» [12, с. 2]. Показательно, что незавершенная постройка в русских народных говорах называлась *комолая*: «Изба у них *комолая* — без крыши»; «Прибил на князек украшению — сразу дом стал лучше, а то был какой-то *комолый*» [33, т. 14, с. 235]. Судя по всему, здесь говорится о рогах оленя или лося, которые могли являться таким «украшением», прибываемым к князьку (ведь в других случаях украшение на князьке — изображение птицы или коня — не прибывалось, а вырезалось из комлевой части охлупня).

Впоследствии, когда эти архаические представления были забыты, а на крышах северорусских изб по традиции кое-где все еще прикреплялись оленьи или лосиные рога, стало считаться, что лишь они являются оберегом.

Образ быка/коровы (вола, тура) в архитектуре избы

Олень и лось — не единственные рогатые животные, в образе которых могла мыслиться изба. Известны примеры украшения кровель бычьими рогами. Так, бычьими рогами была увенчана глиняная модель храма, которую обнаружили археологи в поселении трипольской культуры у реки Рось [16, с. 203]. Поэтому здесь стоит рассмотреть еще одну образную аналогию: *изба* — *бык*.

Олень / лось — бык (корова). В эпоху перехода к земледельческому хозяйству происходит смена охотничьих животных на домашних, а потому «образ космического оленя постепенно [вытесняется] космическим быком / коровой (характерно, что у русских эти животные были, видимо, семантически когда-то близки)» [9, с. 390].

О том, что быки и коровы во многом мыслились аналогом лося или оленю, свидетельствует то обстоятельство, что в русских говорах самца оленя и самца лося называют *быком* (Сиб., Камч., Арх., Мурман., Амур., Перм., Ср. Урал.) [33, т. 3, с. 342] или *дикой коровой* (Костром.) [33, т. 8, с. 57]. Самка лося — *корова* (Амур., Костром.) [33, т. 14, с. 350], или *олень*: «*Олень* — *коровушка* без рог, можно *лосина*, а *лось* — *бык* с рогами» (Ленингр.) [33, т. 23, с. 185]. Корова же — *альнь* (Нижегор.), или *алынья* (Влад., Костром.) [33, т. 1, с. 242]. Слово *лосица* используется и в значении «самка лося» (Пск.), и в значении «тучная корова» (Курск.) [33, т. 17, с. 150], а слово *лосенята* может употребляться не только в значении «детеныши лося», но и как эпитет к слову *телята* (Смол.) [33, т. 17, с. 149]. Годовалого лося порой называют *волик* (Перм.) [33, т. 5, с. 39], т. е. *маленький вол*. Слово *буило* в русских народных говорах равным образом могло означать и буйвола (Забайк., Нижегор.) и лося (Нижегор.) [33, т. 3, с. 261].

Поэтому не всегда можно однозначно утверждать, что в примерах из народного фольклора, где говорится о быке или корове, имеются в виду именно домашние животные, а не охотничьи. Следовательно, нет полной уверенности в том, что все фоль-

⁹ Корова и бык в данных случаях вполне еще могут означать самку и самца оленя или лося.

клорные упоминания о быке и корове, которые будут приведены ниже, могут означать исключительно представителей домашнего скота; вероятно, какие-то из них изначально имели отношение к оленю или лосю. И наоборот, названия охотничьих животных в каких-то примерах из народной культуры, приведенных выше, возможно, могут относиться и к домашним животным. Однако образ быка (коровы) и образ оленя / лося настолько семантически близки, что в нашем случае это не имеет столь уж принципиального значения.

Бык (корова) как домостроительная жертва. Как известно из северных преданий, олени и лоси стали заменяться домашним рогатым скотом (в основном быками или коровами) в обрядах языческих жертвоприношений [42; 26, с. 71–74 и др.]. Этим же животным, судя по археологическим данным, начали использовать и в качестве домостроительной жертвы. Археологи находили бычьи останки под постройками в целом ряде раскопок поселений, относящихся к андроновской, трипольской, восточнотцинецкой культурам и др. [30, с. 27; 37].

Показательна в этом отношении балканская загадка о доме и жилищах в нем: «Корова сдохла, а телята живые» [39, с. 73], которая прямо указывает на то, что изба когда-то мыслилась телом жертвенной коровы.

Все это свидетельствует о том, что в результате принесения в жертву быка или коровы перед началом строительства жилища, сама постройка в конечном виде должна была представляться в образе этого животного так же, как она представлялась в образе птицы, коня, оленя или лося при использовании их в обряде домостроительного жертвоприношения. Однако в данном случае такое сходство избы с быком или коровой не наблюдается, и на то есть свои причины.

«Бычьи» признаки севернорусской избы. Если в языческую эпоху постройка еще могла наделяться признаками рогатого животного, то с приходом христианства изображения бычьих рогов на избах стали недопустимыми, поскольку в контексте этой религии они приобрели отрицательное значение. Как отмечал А. К. Чекалов, «отсутствие в традиционной народной резьбе Севера самостоятельных образов быка <...> объясняется тем, что <...> конь и птица оказались своего рода легальными канонизированными масками» [41, с. 19]. Осуществить такую замену было делом несложным, достаточно было отказаться от рогов, и вместо них вырезать на той же самой голове животного, украшавшей охлупень, лишь небольшие торчащие вверх конские уши.

Но, несмотря на то что образ рогатого животного (быка, коровы, тура) никак не сказывался на внешнем облике избы, следы, свидетельствующие о некогда существовавших архаических представлениях подобного рода, все-таки сохранились в фольклоре и в народной архитектурной лексике.

В русской загадке с ответом «рога коровы» говорится: «На крайчике, на сарайчике две куколки сидят, обе врозь глядят» [6, с. 99]. Здесь коровьи рога, обозначенные как «две куколки», размещены на краю «сарайчика». Это свидетельствует о том, что такая деталь все же могла когда-то увенчивать щипец постройки.

Сравнения с рогатым животным нередко встречаются в загадках и в тех случаях, когда речь идет о различных деталях строения. Например, матица порой бывает представлена коровой или быком: «Корова в избе, / Рога в стене» [12, с. 5], или: «Бык в хлеви, рога повони» (повони — наружу) [27, с. 115]. В балканских загадках «балки и матица, концы которых выходят наружу из-под крыши, <показаны как> “у быка рога на зиме, а тело на лете”», а вертикальные столбы, используемые в конструкции дома, тоже могут загадываться быками [39, с. 68]. Образ рогатого животного присутствует

и в русских загадках о сучках, находящихся в бревенчатых стенах: «Что в избе за бычий глаз», «Бычачьи глаза в стене», «Коровий глаз в избе», «Бык в хлеве; / Рога в стене» [6, с. 114; 12, с. 4]. А в загадке с ответом «грядки и голбец» — «Два быка бодутся, / Врозь не разойдутся» [12, с. 20] грядки (деревянные брусья, сходящиеся над голбцом) представлены бодающимися быками. В литовской загадке «Рыжий бык под потолком привязан» — это «балка, перекладина» [11, с. 35].

В народной архитектурной терминологии встречается целый ряд слов и выражений, производных от названий рогатых животных. Опорный столб в постройках архаического типа, когда-то представлявший собой «рогатое» бревно — *соху*¹⁰ (ср.: *сохатый*¹¹), и, видимо, мыслившийся в образе быка еще со времен языческой архаики¹², позднее превратился в печной столб, одно из названий которого — *тур, турок* (Арх., Смол., Саратов) [33, т. 45, с. 261; 277].

Существует также ряд терминов, образованных от слова *корова*. *Коровка* — «чурбан, обрубок дерева, или половина расколотого вдоль короткого чурбана» (Перм., Сев.-Двин.); «выемка, углубление, гнездо в конце бревна, куда вставляется выступ другого; паз в постройках» (Волог.) [33, т. 14, с. 353]. Строительный прием рубки «в угол» называется *рубить в коровку* (Вельск, Волог.) [33, т. 14, с. 353], а выражение *обивать коровки* означает: «при постройке дома — стесывать топором округлые части бревен внутри избы, чтобы стена стала ровной» (Волог.) [33, т. 22, с. 57; 33, т. 14, с. 353].

Показательно, что многие наименования частей кровельной конструкции связаны со словом *бык*. Бревна, используемые в качестве стропил в конструкции кровли (или боковые стропила у фронтона избы), на русском Севере называют *быками* [33, т. 3, с. 343]. *Бык* — «вертикальное опорное бревно, поддерживающее крышу дома» (Шенк., Холм.), а также «фронтон, стена над фасадной частью дома под крышей»: «Поддеревенски бык, а по казенному фронтон» (Карг.) [1, с. 206]. *Бычок* — «Небольшого размера и сечения деревянная подпора, поставленная над ближней к избе “вереей”, сверху “охлупня”, для поддержки выступающего из “сруба” избы в сторону двора “пристельного бревна”, ставится лишь при покрытии крыши на “скрозовую полу” с целью упрочить конструкцию» (Переясл. Влад.)» [33, т. 3, с. 357–358]. *Подбычник* — «подпорка к стропилу крыши, крытой маломерными досками» (Твер.) [33, т. 27, с. 348].

Крыша. Если когда-то существовала традиция увенчивать щипец кровли бычьими рогами, а слово *бык* часто присутствует в наименованиях частей кровельной конструкции, то тогда есть все основания полагать, что вся крыша представлялась в образе этого животного. Такие воззрения сохранялись даже тогда, когда рога стали недопустимы, о чем красноречиво свидетельствует литовская загадка: «Теленок на бане, у него живот вывернут. — Крыша» [11, с. 35], где используется образ безрогого теленка.

Однако тогда этот образ должен был согласовываться с «крылатой», двускатной формой кровли так же, как и в тех случаях, когда изображения птицы, коня, оленя или лося, красовавшиеся на охлупне, представлялись «пернатыми». Другими словами, сто-

¹⁰ «Одна из наиболее древних конструкций двухскатной <...> крыши — крыша “на сохах”, “на столбах”, общая в прошлом для жилища всех славянских народов» [3, с. 97]. *Сохá* — «толстая жердь, палка, кол, обычно с развилкой на конце, служащая подпоркой» (Астрах., Дон., Ворон., Курск., Тамб., Орл., Смол., Ряз., Новг., Арх, Мурман.) [33, т. 40, с. 79].

¹¹ *Сохатый* — «развилстый с рассохою (о дереве, бревне)», а также «рогатый» и «олень» [33, т. 40, с. 81].

¹² «Почти в каждом из святилищ [обнаруженных на раскопках Чатал-Хююка] имеются столбы, на которых помещены рога быков. Такие столбы <...> известны и гораздо позднее как в Малой Азии, так и на Крите» [16, с. 203].

ит предположить, что крыша когда-то могла являть собой образ крылатого быка или крылатой коровы.

Орнитоморфный образ рогатого животного в народной культуре. На первый взгляд образы быка или коровы, вола, тура совершенно не вяжутся с «крылатой» формой крыши, ведь в наше время довольно трудно вообразить себе этих представителей крупного рогатого скота орнитоморфными. Однако такие фантастические существа встречаются во многих древних культурах¹³.

Следы архаических представлений о летающем рогатом животном присутствуют и в славянском фольклоре. Р. С. Липец обратила внимание на «необычайную быстроту движения» тура, описываемую в былинах следующим образом: «Он первый скок за целу версту скочил, / А другой скок не могли найти» [21, с. 101], что свидетельствует о его фантастической способности быстро передвигаться по воздуху¹⁴.

В том, что в славянских воззрениях существовали образы небесного быка или небесной коровы, можно убедиться и на языковом материале. «Появляющиеся “горамы” из-за горизонта тучи перламутрового цвета, являющиеся предвестниками сильной грозы», в народе называют *быками* (Влад., Волог.) [33, т. 3, с. 342–343], а маленькие облака — *бычками* (Свердл.) [33, т. 3, с. 358]. «В сербском заговоре на отгон града <...> тучи названы белыми говьядами» [20, с. 173]. Слово *бугай*, кроме значения «бык», это еще и «птица филин» (Арх.) [33, т. 3, с. 236]. *Водяной бык* — «широко распространенное народное название птицы выпи» [33, т. 4, с. 352]; *коровка* — «порода небольших диких голубей; голубь этой породы» (Влад.) [33, т. 14, с. 353].

В загадках разных народов корова часто изображается птицей, и наоборот. Например, в русской загадке о лошади, корове и лодке: «Прилетели на хоромы три *вороны*, / Одна говорит: “Мне в зиме добро!” / Другая: “Мне в лете добро!” / А третья: “Мне всегда добро!”» [12, с. 103]. В марийской загадке сорока предстает в образе телки: «Ковылиха — пестра *телка*» (23, с. 70), в белорусском фольклоре гусь показан быком: «Стоиць *бык* на ляду, / И пье рогом воду» [43, с. 489]. В иных загадках гоготание гуся сравнивается с ревом вола, хотя на самом деле в этих звуках нет ничего общего: «Белое ек сьнег, наелоса ек мех, вуйшла на двор, *зарэўело ек вол*» [27, с. 202]; «Вышоў на двор, / *Крыкнуў як вол*, / А сам на лопатках ходзиць» [43, с. 489].

Порой в загадках, идентичных по содержанию и с одинаковым ответом «гром и молния», рогатое животное и птица могут быть взаимозаменяемыми. Например: «*Тур* ходит по горам, *турица* — по долам; *тур* свистнет, *турица* мигнет» [27, с. 231], «*Кур* с *курихой* ходят по полям, *кур* — по полосам, а *куриха* — по межам; *кур* крикнет, *куриха* мигнет» [27, с. 155].

Свидетельства об образно-семантической связи понятий *птица* и *бык* (*корова*), существовавшей в архаическом мышлении, присутствуют и в других жанрах славянского фольклора. В народной песне поется: «Уж как *кутюшка бычка* родила», где *кутюшка* — курица (Арх., Волог.) [33, т. 16, с. 179]. Вятичи, «чтобы скотину не трогал

¹³ Небесной коровой представлялась египетская богиня Хатор. Индийскую небесную корову Сурабхи (Камадхену), поклонение которой осуществляется через традицию почитания всех коров в Индии, принято изображать крылатой и с птичьим хвостом. В искусстве Двуречья нередко встречаются изображения крылатых быков и крылатых человекобыков Шеду. В индоевропейских мифах бык часто олицетворяет бога-громовержца, что свидетельствует о его принадлежности небу. В христианской культуре крылатый бык является символом евангелиста Луки. Нет сомнения, что этот христианский образ сформировался на основе архаических представлений о крылатом быке.

¹⁴ Это в известной степени напоминает полет крылатого коня, который в русских сказках и былинах нередко описывается аналогичным способом.

зверь, <...> пекли из теста “жаворонков” и в Великий четверг скармливали скотине со словами: “Не кажись в поле *коровушкой*, кажись *жавороночком*”» [20, с. 264]. А «по поверью белорусов Слуцкого уезда Минской губернии, у того, кто разорит гнездо трясогузки, будут болеть коровы» [7, с. 726].

На основании приведенного здесь материала можно сделать вывод: если допустить, что «крылатая» крыша избы в дохристианское время порой увенчивалась рогами, то в таких случаях она могла представляться в образе крылатого быка или крылатой коровы, соотносимом с небесным ярусом мироздания.

Охранительная семантика образа быка (коровы) в архитектуре избы. Все орнитоморфные изображения крупных рогатых животных, запечатленные в архаических культурах, являлись сакральными персонажами. Образ крылатого быка (или крылатой коровы), вероятно, когда-то увенчивавший северорусскую избу, также можно было бы отнести к этой категории, а значит, он тоже наделялся охранительной функцией. Рога на крыше сами по себе считаются оберегом, а в Швейцарии даже порой «втыкают на домах бычьи головы для предохранения от грозы» [2, с. 716]. Поскольку изображения оленя, лося или коня расположенные на охлупне, символизировали тотема-покровителя своего рода [32, с. 82-84], то вполне вероятно, что и такая голова быка, размещенная там же, вместе с «крылатой» крышей тоже могла представлять собой образ обожествленного зооморфного предка.

Известно, что в далеком прошлом «бык почитался скотоводческими племенами как тотем-прародитель», оказывающий помощь своим потомкам [22, с. 140]. «О распространении с древних времен мифа о Быке-прародителе тюркоязычных народов [якутов, хакасов, алтайцев, тувинцев и др.], свидетельствуют дошедшие до нас сюжеты Быка в фольклоре этих народов» [22, с. 138–139]. В легендах балканских славян, по мнению исследователей, в образе водяного быка «первоначально <...> представлялся образ родоначальника племени, его защитник и покровитель» [9, с. 406]. А еще «соотнесенность коровы с предками <...> довольно явственно прослеживается в быту и обрядах русских» [9, с. 392].

В приведенной выше балканской загадке «Корова сдохла, а *телята живые*» [39, с. 73] люди показаны телятами, проживающими в доме, представленном в образе матери-коровы (домостроительной жертвы), которая, в свою очередь, являлась символом тотема-покровителя. Это должно было обеспечивать жильцам (ее «потомкам») сакральную защиту.

Изда — рогатое животное. В религиозных воззрениях многих народов бык наделялся вселенскими чертами, а части его тела соотносились с элементами мироздания, поэтому он занимал одно из ведущих мест в обрядах жертвоприношений [9, с. 398, 439].

Это, несомненно, сказалось на представлениях о процессе возведения жилища. Поскольку считалось, что его структура должна соответствовать космологическому порядку, то его строительство, по представлениям древних, должно было осуществляться из частей тела жертвенного быка как космологического животного. В бурятской сказке пороз говорит: «“Ты меня заколи, кожу сними, а голову отрежь и положи рогами на север, а носом на юг. Мясо можешь разрезать и съесть, а кожей одеться”. <...> Заколол парень пороза, снял шкуру, голову положил рогами на север, носом на юг, сам завернулся в шкуру и заснул. На другой день <...> пробудился парень, и глазам своим не верит — лежит он в новой юрте» [5, с. 286]. Здесь довольно подробно описан обряд жертвоприношения рогатого животного (являющегося помощником героя сказки, а зна-

чит, его тотемом-покровителем¹⁵), результатом которого становится создание жилища из его частей.

О том, что у славян различные постройки также мыслились в образе рогатого животного, свидетельствуют примеры из народной лексики, где деревянное сооружение могло когда-то представляться туром. *Тура* — «дом, изба, строение» (Алт.) [33, т. 45, с. 262]; *турáшка* — «сруб дома без крыши» (Яросл.) [33, т. 45, с. 265]. В олонецкой сказке встречается архаичная деталь — «избушка на *турьей ножке*» [29, с. 439]. Нет сомнения, что эта постройка так же, как и аналогичная ей «избушка на *курьих ножках*» была установлена на пне, называемом в данном случае тур¹⁶. Если допустить, что охлупень такой «избушки на *турьей ножке*» когда-то украшался рогами, то вся она могла представляться в зооморфном образе. Поэтому не случайно сооружение такого типа — «охотничий амбар на четырех высоких столбах около лесной избушки, лабаз» — на русском Севере называется *турушка* (Арх.) [33, т. 45, с. 283].

У разных народов есть множество загадок о постройке, представляемой коровой или быком (в том числе и те, что уже приводились выше, — «*Корова* сдохла, а телята живые» и «На крайчике, на *сарайчике* две куколки сидят, обе врозь глядят — Рога *коровы*»). Литовские загадки о доме: «Очень большой *бык*, у того *быка* в животе люди живут» [11, с. 33], «Стоит *бык* с вырезанными боками, через спину дым идет» [11, с. 35]. Удмуртские загадки об избе с ответом «сучки в стенах»: «Один большой *бык* стоит, брюхо в дырах», «Брюхо большого *быка* в нескольких местах дыряво» [35, с. 67]. Марийские загадки о деревянных постройках: «У *быка* на спине дыра — Курная *изба*» [23, с. 122]; летняя кухня: «Черная *корова* дышит пупом», «Яловая *корова* дышит спиной», «У черной *коровы* спина дырявая» [23, с. 129]; овин: «У черного *быка* дышит каждая волосинка», «У *коровы* каждая волосинка курится», «*Корова-буренушка* каждой волосинкой дышит» [23, с. 130–131]. Существуют загадки с ответом «вымя», где наоборот, корова предстает в образе постройки: марийская — «В *подполье* стоят четыре горшка с маслом» [23, с. 62] и псковская — «Белый камень под *амбаром*» [34, с. 51].

Русские загадки об избе «Стоит *бычище*, / Проклеваны бочища» [12, с. 2] и «У *быка*, *быка* / Прорезались бока; / У *быка* ядра говорят» [12, с. 13] сложились, видимо, тогда, когда стали появляться волоковые окна. Небольшие оконные отверстия, прорубленные на уровне поверхности земли в стенах полуземлянки (в древности распространённой как один из основных типов жилища) [3, с. 119], вполне могли представляться «прорезанными» в «боках» *избы* — *быка*¹⁷.

Показательна примета, порой используемая перед началом строительства, согласно которой «выбор места предоставляют рогатому скоту. Выпускают с этой целью рогатый скот из загорода и оставляют его ходить на свободе до тех пор, пока он уляжется пережевывая жвачку. То место, где скот улегся, и считается самым благоприятным для постройки хаты» [15, с. 38]. Если учитывать образно-семантическую аналогию *изба* —

¹⁵ Бык в бурятских легендах и сказках выступает прародителем бурят [13, с. 186].

¹⁶ *Тур* — «корень соснового пня, богатый смолой, спускающийся вниз», (Калуж.) [33, т. 45, с. 261]. Другое название корня пня, используемого в качестве такой же подставки под избушку — *лапа* [3, с. 76] (что имело визуальное сходство с куриной лапой), на основании чего, очевидно, сложились определения: «на *курьих лапках* хатка», «избушка на *курьих ножках*» [31, с. 116].

¹⁷ Такие оконца назывались *брюшинными* [33, т. 3, с. 226], потому что в них вместо стекла «вставлялась рамка, затянута *пузырем* или *брюховицей* (т. е. бычьим мочевым пузырем или пленкой, снятой с брюшины животного)» [3, с. 119]. Брюшинные окна могли представляться расположенными в «боках» *избы-быка* еще и потому, что такой материал по своему анатомическому происхождению соотносим с бычьими боками.

бык, или *изба* — *корова*, то эта примета становится вполне объяснимой: такое лежащее рогатое животное могло являться прообразом будущей постройки. В итоге приземистая изба (полуземлянка или землянка) с низкой и достаточно пологой «рогатой» кровлей, вероятно, в дохристианское время имела определенное сходство с лежащим быком или коровой.

***

Заключение. Животное, приносимое в жертву перед началом строительства, олицетворяло зооморфного тотема. После его ритуального умерщвления оно представлялось наделенным крыльями, поскольку уже относилось к небесному ярусу мироздания. Вместе с тем строительство нового жилища символизировало сакральный акт сотворения мира из частей жертвенного животного-тотема. В результате проживавшие в такой постройке люди считали его своим оберегом, а себя — его потомками, находящимися под его покровительством. Вот почему в архитектурном облике северорусской избы присутствует его «крылатый» образ.

У индоевропейцев олень, птица и конь были семантически эквивалентны друг другу, что «породило <...> идею создания синкретических фантастических существ, наделенных чертами коня, оленя и птицы» [19, с. 105]. И это обстоятельство, несомненно, сказалось на том, что в обряде домостроительных жертвоприношений олень, лось, бык (корова), конь, птица (петух или курица) были взаимозаменяемы, в результате чего северорусская изба могла представляться в любом из таких синкретических образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1982. Вып. 2. 216 с.
- 2 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Изд-е К. Солдатенкова, 1865. Т. I. 800 с.
- 3 *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Новая серия. Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 3–458.
- 4 *Борисковский П. И.* Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним // Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 31 с.
- 5 Бурятские народные сказки / сост. Б. Дугаров. М.: Современник, 1990. 382 с.
- 6 Великорусские загадки, с предисловием И. А. Худякова // Этнографический сборник. 1864. Вып. 6. С. 2–128.
- 7 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 8 *Гура А. В.* Олень // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 545–546.
- 9 *Денисова И. М.* «Живой космос»: Древнейшая модель Вселенной в мировой мифологии и русской народной культуре // Древнерусская космология / отв. ред. Г. С. Баранкова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 368–471.

- 10 Долганский фольклор / вступ. статья, тексты и пер. А. А. Попова. М.; Л.: Сов. писатель, 1937. 259 с.
- 11 *Завьялова М. В.* Литовские загадки о доме как о животном // *Tautosakos darbai*. XLVI. Вильнюс: Русской литературы и *tautosakos* институт, 2013. Т. 46. С. 32–51. URL: [http://www.lti.lt/failai/06_Zavjalovos\(4\).pdf](http://www.lti.lt/failai/06_Zavjalovos(4).pdf) (дата обращения: 24.02.2018).
- 12 Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
- 13 *Зеленин К. Д.* Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- 14 *Золотарев А.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.: Изд-во ИНС, 1934. 52 с.
- 15 *И[ванов] П.* Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сборник. Харьков: Тип. Губернского правления, 1889. Вып. 3. С. 35–67.
- 16 *Иванов В. В.* Бык // Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 203.
- 17 Изобразительные мотивы в русской народной вышивке / сост. Г. П. Дурасов, Г. А. Яковлева. М.: Сов. Россия, 1990. 317 с.
- 18 *Ионова М. Н., Пуговкина М. И.* Якутские загадки // Советский фольклор: Статьи и материалы. № 4–5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 243–250.
- 19 *Кузьмина Е. Е.* Конь в искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. К.: Наукова думка, 1977. С. 96–119.
- 20 *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- 21 *Лунец Р. С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 82–109.
- 22 *Майногашева В. Е.* Некоторые сюжеты сивого (синего) и черного быков в фольклоре саяно-алтайских народов // Алтайский фольклор и литература / отв. ред. А. И. Алиева. Горно-Алтайск: Изд-во НИИИЯЛ, 1982. С. 137–148.
- 23 Марийские народные загадки / сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 1967. 184 с.
- 24 Мифологические сказки и исторические предания нганасан / запись и подгот. текстов Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.
- 25 *Путинцева А. П.* Нанайские загадки // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1957. Т. 132. С. 227–248.
- 26 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997. 824 с.
- 27 *Рыбникова М. А.* Загадки. М.; Л.: Академия, 1932. 488 с.
- 28 *Савватеев Ю. А.* Онежские петроглифы и тема зверя в них // Звери в камне (Первобытное искусство) / отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–158.
- 29 Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии) Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. Т. 33. 645 с.
- 30 *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 68. С. 20–30.

- 31 Синчук С. Д. Орнитоморфный образ северорусской избы: семантическая реконструкция на материале славянской культуры // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 106–121.
- 32 Синчук С. Д. Образ «конь-птица» в архитектуре северорусской избы: семантическая реконструкция на материале славянской культуры // Вестник славянских культур. 2018. № 1. С. 73–91.
- 33 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сорокалетов (т. 24–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. Т. 1. 306 с. Т. 3. 360 с. Т. 4. 357 с. Т. 5. 345 с. Т. 8. 370 с. Т. 14. 376 с. Т. 15. 400 с. Т. 16. 376 с. Т. 17. 384 с. Т. 22. 368 с. Т. 23. 376 с. Т. 27. 401 с. Т. 35. 360 с. Т. 40. 346 с. Т. 45. 344 с.
- 34 Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1890. Вып. I. Отдел I. С. 31–62.
- 35 Удмуртский фольклор. Загадки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 254 с.
- 36 Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 587 с.
- 37 Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология. 1984. № 4. С. 238–241.
- 38 Хелимский Е. А. Хотал-эква // Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 597.
- 39 Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, Изд-во ТУ, 1978. Т. 10. С. 65–85.
- 40 Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. 140 с.
- 41 Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.
- 42 Шаповалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера / отв. ред. Б. Н. Путилов и К. В. Чистов. Л.: Наука, 1973. С. 209–223.
- 43 Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Императорской АН, 1893. Т. II. 715 с.

***

© 2019. Svetlana D. Sinchuk
Zheleznovodsk, pos. Inozemtsevo, Russia

**ZOOMORPHIC IMAGE IN ARCHITECTURE
OF THE NORTHERN RUSSIAN LOG HUT:
SEMANTIC RECONSTRUCTION BASED ON FOLK CULTURE**

Abstract: The paper suggests a hypothesis about a figurative-semantic correspondence in the archaic folk beliefs between architectural appearance of the hut and horned animals, once acting as a construction sacrifice. During the hunting period it was deer/elk, whose horns crowned the roofs of the North Russian huts. Due to the antiquity of these animals' cult, one should not only search traces of pagan ideas about them among archaisms of the ancient Slavic culture, but also turn to traditional hunting cultures of the peoples of the North and Siberia. Given the substitution of hunting for domestic animals in the era of transition to agriculture, the cult of deer/moose was displaced

by the cult of the bull/cow, close to them semantically. However, in the context of the Christian religion the horns have acquired a negative meaning, so that their placing on the roofs became unacceptable. That is why the image of a bull/cow is now absent in the appearance of the North Russian dwelling. Yet the traces referring to this subject matter survived in folk culture reminding that the house was once designed in view of this topic. This approach makes it possible to consider the North Russian hut in the context of zoomorphic code and to determine the reasons for emerging of its distinctive features relating to horned animals. It also allows to define semantics and genesis of the fantastic ornitho-zoomorphic images observed in the folklore and national dialects, rites and arts and crafts.

Keywords: hut, tradition, amulet, image, deer, elk, bull, cow, bird, totem.

Information about the author: Svetlana D. Sinchuk — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute, Svobody pr., 14, 357430 Zheleznovodsk, pos. Inozemtsevo, Russia. E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Received: May 23, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Sinchuk S. D. Zoomorphic image in the architecture of northern Russian log hut: semantic reconstruction based on folk culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 140–159. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk's regional dictionary], edited by O. G. Getsova. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1982. Vol. 2. 216 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovanii, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: Experience of comparative study of Slavic legends and beliefs, in connection with the mythical tales of other related peoples: 3 vols.] Moscow, Izdanie K. Soldatenkova, 1865. Vol. I. 800 p. (In Russian)
- 3 Blomkvist E. E. Krest'ianskie postroiki russkikh, ukraintsev i belorusov [Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians]. *Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia: Novaia seriia. Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik* [Proceedings of the N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography: New series. East Slavic ethnographic collection]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, vol. 31, pp. 3–458. (In Russian)
- 4 Boriskovskii P. I. Paleoliticheskie zhilishcha na territorii SSSR i etnograficheskie paralleli k nim [Paleolithic dwellings on the territory of the USSR and their ethnographic parallels]. *Doklady sovetskoi delegatsii na V Mezhdunarodnom kongresse antropologov i etnografov* [Reports of the Soviet delegation at the V International Congress of anthropologists and ethnographers]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. 31 p. (In Russian)
- 5 *Buriatskie narodnye skazki* [Buryat folk tales], compiled by B. Dugarov. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 382 p. (In Russian)
- 6 Velikorusskie zagadki, s predisloviem I. A. Khudiakova [Great Russian riddles, with a Preface by I. A. Khudyakov]. *Etnograficheskii sbornik*, 1864, vol. 6, pp. 2–128. (In Russian)

- 7 Gura A. V. *Simvolika zhitovnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk traditions]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 8 Gura A. V. Olen' [Deer]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, vol. 3, pp. 545–546. (In Russian)
- 9 Denisova I. M. “Zhivoi kosmos”: Drevneishaia model' Vselennoi v mirovoi mifologii i russkoi narodnoi kul'ture [“Living space”: the most ancient model of the Universe in the mythology of the world, and Russian popular culture]. *Drevnerusskaia kosmologiia* [Old Russian cosmology], executive edited by G. S. Barankova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2004, pp. 368–471. (In Russian)
- 10 *Dolganskii fol'klor* [Dolgan folklore], introduction, texts and translation by A. A. Popov. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1937. 259 p. (In Russian)
- 11 Zav'ialova M. V. Litovskie zagadki o dome kak o zhitovnom [Lithuanian riddles about house as an animal]. *Tautosakos darbai. XLVI. Vil'nius: Russkoi literatury i tautosakos institute* [Folklore studies. XLVI. Vilnius: Russian literature and tautosakos Institute], 2013, vol. 46, pp. 32–51. Available at: [http://www.lti.lt/failai/06_Zavjalovos\(4\).pdf](http://www.lti.lt/failai/06_Zavjalovos(4).pdf) (accessed 24 February 2018). (In Russian)
- 12 *Zagadki russkogo naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and problems], compiled by D. Sadovnikov. St. Petersburg, Tipografiia N. A. LebedevaPubl., 1876. 333 p. (In Russian)
- 13 Zelenin K. D. *Kul't ongonov v Sibiri: Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov* [Cult of ongons in Siberia: Remnants of totemism in the ideology of Siberian peoples]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSRPubl., 1936. 436 p. (In Russian)
- 14 Zolotarev A. *Perezhitki totemizma u narodov Sibiri* [Remnants of totemism among the peoples of Siberia]. Leningrad, Izdatel'stvoINS Publ., 1934. 52 p. (In Russian)
- 15 I[vanov] P. Narodnye obychai, pover'ia, primety, poslovitsy i zagadki, otnosiashchiesia k malorusskoi khate [Folk customs, beliefs, signs, proverbs and riddles related to the little Russian hut]. *Khar'kovskii sbornik* [Kharkiv collection]. Khar'kov, Tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1889, vol. 3, pp. 35–67. (In Russian)
- 16 Ivanov V. V. Byk [Bull]. *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the world: an encyclopedia], chief edited by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1987, vol. 1, p. 203. (In Russian)
- 17 *Izobrazitel'nye motivy v russkoi narodnoi vyshivke* [Pictorial motifs in Russian folk embroidery], compiled by G. P. Durasov, G. A. Iakovleva. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990. 317 p. (In Russian)
- 18 Ionova M. N., Pugovkina M. I. Iakutskie zagadki [Yakut riddles]. *Sovetskii fol'klor: Stat'i i materialy* [Soviet folklore: Articles and materials]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvoAN SSSR Publ., 1936, no 4–5, pp. 243–250. (In Russian)
- 19 Kuz'mina E. E. Kon' v iskusstve sakov i skifov [The horse in the art of the Saks and Scythians]. *Skify i sarmaty* [The Scythians and Sarmatians]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, pp. 96–119. (In Russian)
- 20 Levkievskaia E. E. *Slavianskii obereg. Semantika i struktura* [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 334 p. (In Russian)
- 21 Lipets R. S. Obraz drevnego tura i otgoloski ego kul'ta v bylinakh [The image of the ancient tur and echoes of its cult in the epics]. *Slavianskii fol'klor* [Slavic folklore], executive edited by B. N. Putilov i V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 82–109. (In Russian)

- 22 Mainogasheva V. E. Nekotorye siuzhety sivogo (sinego) i chernogo bykov v fol'klore saiano-altaiskikh narodov [Some subjects of the gray (blue) and black bulls in the folklore of the Sayan-Altai peoples]. *Altaiskii fol'klor i literature* [Altai folklore and literature], executive edited by A. I. Alieva. Gorono-Altai, Izdatel'stvo NIILaL Publ., 1982, pp. 137–148. (In Russian)
- 23 *Mariiskie narodnye zagadki* [Mari folk riddles], compiled by A. E. Kitikov. Ioshkar-Ola, Izdatel'stvo MarNIILaLI Publ., 1967. 184 p. (In Russian)
- 24 *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniia nganasan* [Mythological tales and historical legends of Nganasan], writing and preparing texts by B. O. Dolgikh. Moscow, Nauka Publ., 1976. 341 p. (In Russian)
- 25 Putintseva A. P. Nanaiskie zagadki [Nanai riddles]. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena* [Scientific notes of A. I. Herzen LSPI]. Leningrad, Izdatel'stvo LGPI Publ., 1957, vol. 132, pp. 227–248. (In Russian)
- 26 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1997. 824 p. (In Russian)
- 27 Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow, Leningrad, Akademiia Publ., 1932. 488 p. (In Russian)
- 28 Savvateev Iu. A. Onezhskie petroglify i tema zveria v nikh [Onega petroglyphs and the theme of the beast]. *Zveri v kamne (Pervobytnoe iskusstvo)* [Animals in stone (Primitive art)], executive edited by R. S. Vasilevskii. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, pp. 136–158. (In Russian)
- 29 Severnye skazki (Arkhangel'skaia i Olonetskaia gubernii) Sbornik N. E. Onchukova [Northern fairy tales (Arkhangelsk and Olonets provinces) Collection of N. E. Onchukova]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu etnografii* [Notes of the Imperial Russian geographical society at the Department of Ethnography]. St. Petersburg, Tipografia A. S. Suvorina, 1908. Vol. 33. 645 p. (In Russian)
- 30 Sedov V. V. K voprosu o zhertvoprinosheniakh v drevnem Novgorode [On the issue of sacrifices in ancient Novgorod]. *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniakh IIMK AN SSSR* [Brief presentations on the reports and field studies of the IIMK AN SSSR]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1957, vol. 68, pp. 20–30. (In Russian)
- 31 Sinchuk S. D. Ornitomorfnyi obraz severorusskoi izby: semanticheskaiia rekonstruktsiia na materiale slavianskoi kul'tury [Ornithomorphic image of the North Russian hut: semantic reconstruction on the material of Slavic culture]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no 2, pp. 106–121. (In Russian)
- 32 Sinchuk S. D. Obraz “kon'-ptitsa” v arkhitekture severorusskoi izby: semanticheskaiia rekonstruktsiia na materiale slavianskoi kul'tury [The image of the “horse-bird” in the architecture of North Russian log hut: semantic reconstruction on the material of Slavic culture]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, no 1, pp. 73–91. (In Russian)
- 33 Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects], chef edited F. P. Filin (vols. 1–23), F. P. Sorokaletov (vols. 24–46). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1965–2016. Vol. 1. 306 p. Vol. 3. 360 p. Vol. 4. 357 p. Vol. 5. 345 p. Vol. 8. 370 p. Vol. 14. 376 p. Vol. 15. 400 p. Vol. 16. 376 p. Vol. 17. 384 p. Vol. 22. 368 p. Vol. 23. 376 p. Vol. 27. 401 p. Vol. 35. 360 p. Vol. 40. 346 p. Vol. 45. 344 p. (In Russian)

- 34 Trusman Iu. Poluvertsy Pskovo-Pecherskogo kraia [Poluvertsy (half-believers) of Pskovo-Pechersky region]. *Zhivaia starina* [Living antiquity]. St. Petersburg, Tipografiia E. Evdokimova Publ., 1890, vol. I, part I, pp. 31–62. (In Russian)
- 35 *Udmurtskii fol'klor. Zagadki* [Udmurt folklore. Riddles], compiled by T. G. Perevozchikova. Izhevsk, Udmurtiia, 1982. 254 p. (In Russian)
- 36 *Fol'klor iukagirov* [The folklore of the Yukaghirs], compiled by G. N. Kurilov. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 587 p. (In Russian)
- 37 Formozov A. A. Stroitel'nye zhertvy na poseleniakh i v zhilishchakh epokhi rannego metalla [Construction sacrifice on settlements and in dwellings of the paleometal age]. *Sovetskaia arkheologiia*, 1984, no 4, pp. 238–241. (In Russian)
- 38 Khelimskii E. A. Khotal-ekva [Khotal-ekva]. *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the world: an encyclopedia], chief redactor S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1988, vol. 2, p. 597. (In Russian)
- 39 Tsiv'ian T. V. Dom v fol'klornoj modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [House in the folklore model of the world (based on the material of Balkan riddles)]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu, Izdatel'stvo TU, 1978, vol. 10, pp. 65–85. (In Russian)
- 40 Charnoluskii V. V. *Legenda ob olene-cheloveke* [The legend of deer-man]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 140 p. (In Russian) (In Russian)
- 41 Chekalov A. K. *Narodnaia dereviannaia skulptura Russkogo Severa* [Folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 191 p. (In Russian)
- 42 Shapovalova G. G. Severnorusskaia legenda ob olene [The Northern Russian legend of the deer]. *Fol'klor i etnografiia Russkogo Severa* [Folklore and Ethnography of the Russian North], executive edited B. N. Putilov i K. V. Chistov. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 209–223. (In Russian)
- 43 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia* [Materials for the study of life and language of the Russian population of the North-Western region]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi AN Publ., 1893. Vol. II. 715 p. (In Russian)